

Производные прилагательные, которые указывают на признак через отношение к другому предмету (*chemical smell* ‘химический запах’, *bisquity boquet* ‘бисквитный аромат’, *herbal odour* ‘травяной аромат’, *fruity aroma* ‘фруктовый аромат’ и др.), формируют еще одну группу лексических единиц, используемых в современном английском языке для обозначения запахов. Несмотря на многочисленность и открытость для пополнения другими производными единицами данной группы признаков слов, они являются наименее частотными и нередко характеризуются единичными случаями употребления для наименования исследуемых свойств (*oily smell* ‘маслянистый запах’, *goaty odour* ‘козлиный запах’, *turfy scent* ‘торфяной запах’, *ammoniac smell* ‘аммиачный запах’ и др.).

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что в современном английском языке число прилагательных, обозначающих собственно запахи, ограничено. Абсолютное большинство признаков слов для обозначения запахов заимствуется из других денотативных областей. Вариативность перцептивных модусов, выявленная в семантике исследуемых слов, характерна для всей лексико-семантической группы перцептивных прилагательных. Частотность выявленных прилагательных, используемых для обозначения обонятельных свойств, может свидетельствовать о занимаемом месте данных единиц относительно центра и периферии изучаемой категории.

В. Н. Тытаренко (ЖГУ им. И. Франко, Житомир, Украина)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В ПРИВИЛЕГИЯХ КИЕВСКОГО ГОРОДСКОГО МАГИСТРАТА

Предметом описания являются грамоты, подтверждающие магдебургское право г. Киева (с 1544 по 1659 гг.) польскими королями, скопированные в начале XVIII в. для “своей прива(т)ной домово́й потребности и всяки(х) случаевъ” бурмистру К. Кричевцу. Документ хранится в Центральном государственном историческом архиве Украины, г. Киев (ф. 62, оп. 1, д. 1).

Анализ текста документа продемонстрировал большое количество вариативных написаний на разных языковых уровнях. Приведем примеры вариаций, имеющих и в одних и тех же, и в разных словах на месте одного и того же рефлекса или одной формы.

На фоно-графическом уровне выявлены вариантные написания на месте этимологического *ѣ, в частности, употребляются графемы *гъ*: (*мгъщане* 81 зв., *вгъри* 83 зв.), *є* (*лєта* 56, *кривдє* 70), *и* (*всимь* 69 зв., *привисть(т)* 10 зв.). Кое-где в одних и тех же словах написаны разные буквы: (*цгльий* 5 зв. – *цєлий* 43 зв., *о пра(з)дницьгъ* 5 зв. – *о пра(з)нище* 17 зв.). Встречаются формы с неэтимологическим написанием: *ка(н)цгльгъ* 82 и *канцлера* 82.

Параллельно с исконными полногласными формами (*королевскимь* 2 зв., *оголосити* 108, *молодихъ* 112) применяются неполногласные, перешедшие из церковнославянского (*время* 9 зв., *града* 6, 43 зв., *во владгъние* 4 зв.) и польского (*заброняти* 22 зв., *кроль* 56 зв., *кroleвского* 95 зв.) языков.

Вариативные написания с *po-* и *pa-* в начале слова обусловлены сосуществованием исконных (*росказали* 2 зв., *росправи* 59, *розуме(л)* 61 зв.) и заимствованных из церковнославянского языка (*разорєніє* 3, *на работизну* 45 зв., *ра(с)ховали* 129) форм.

Наряду с исконной рефлексацией *tj в тексте распространены слова, для которых характерны южнославянские звуковые проявления: *хочемь* 32 зв. – *хощемь* 69 зв., *служачихь* 94 – *служациє* 81 зв.

Часто в изучаемых грамотах вариативно переданы ассимилятивные процессы, большая часть которых отражала особенности живой речи: *навишишій* 113 – *найвишего* 82, *одинадцят(го)* 53 – *одинацятого* 51 зв., *свѣтского* 27 зв. – *свѣцкого* 7 зв., *продковъ* 32 – *про(т)ко(в)* 21 зв., *кгородскому* 50 зв. – *кгородцкому* 101 зв., *що* 82 – *што* 61 – *что* 42.

В различных вариативных написаниях имеет место опрощение: *мѣстце* 2 зв. – *мѣсце* 52, *неща(ст)ливій* 6 – *неща(с)ливимь* 13 зв., *пра(з)дниць* 5 зв. – *пра(з)ниць* 17 зв.

Много вариантов представлено на морфологическом уровне. Это свидетельствует о процессах, происходящих в словоизменении, и о вытеснении старых книжных элементов народно-разговорными формами.

Выявлен родительный падеж единственного числа существительных мужского рода с окончаниями *-а*, *-я* и *-у*, *-ю*: *для подпису* 1, *замку* 3, *брата* 3 зв., *для шну(р)ка* 1. Вариативны также формы с *-у*, *-ю* и *-ови*, *-еви*, имеющиеся в дательном падеже единственного числа существительных мужского рода: *ска(р)бови* 40, *декретови* 41, *войтови* 26 зв. – *войту* 3 зв., *затку* 80.

Несколькими вариантами представлен именительный падеж множественного числа. В частности, некоторые существительные, обозначающие лица, имеют флексию *-ове*, унаследованную от существительных с основой на *-й*: *восеводове* 79 зв., *архимандритовс* и *игуменовс* 97 зв. Существительные, для которых в единственном числе был характерен суффикс *-ин*, имели флексию *-е*: *татарс* 1, *мещанс* 38, *люде* 97 зв. В этой форме есть также окончание *-и*: *деся(т)ники* и *товариши* 97 зв. У существительных, имевших мягкую основу, употреблялся в конце слова *-ръ*: *неприятель* 2. В дательном падеже множественного числа существительных мужского рода сохраняется преимущественно флексия *-омъ*, *-емъ*: *мещаномъ* 1 зв., *по(с)ломъ* 2, *людемъ* 3 зв., *обивателемъ* 3 зв.; зафиксирована новая форма *-амъ* в слове *мещанамъ* 3 зв. Обнаружены также существительные с новыми флексиями *-ами*, *-ями* в творительном падеже: *с товарами* 3 зв., *с гандлями* 3 зв., *мещанами* 4, изредка встречаются древние окончания *-ы* (*и*): *з послы* 3 зв., *с товарми* 20. Используется в предложном падеже древняя флексия *-ех*: *в манастирехъ* 11, *печатехъ* 22 зв. наряду с новой *-ах*: *в монастирахъ* 97, *в гандляхъ* 74.

Для прилагательных характерно сосуществование местоименных (*коро(н)ная* 108, *подлинно(го)* 115) и именных (*висоце* 82, *Гидня* 91) форм. Употребляются в тексте формы стяжения (*ненале(ж)на* 80, *поводова* 104 зв.) и его отсутствия (*Божією* 79, *киевскіє* 91 зв., *купецкіє* 101 зв.).

Активно используется церковнославянское окончания *-аго* в прилагательных, числительных, местоименных формах родительного падежа: *найвишшаго* 13 зв., *втораго* 23, *всякаго* 57 зв. наряду с исконной флексией *-ого / -его*: *учтивога* 80 зв., *тамошняго* 81 зв., *шестого* 80 зв., *учиненного* 80 зв.

Числительные употребляются в нелексикализованных формах: *пятого на деся(т)* 122 зв., *первого на деся(т)* 132 зв., хотя есть и формы *одинадцатого* 52, *се(м)надцато(го)* 55.

В глагольных формах обнаружены вариативные написания инфинитивов на *-ти* (*давати* 10, *быти* 6, *боронитися* 13 зв.) и *-т* (*привѣси(т)* 8 зв., *вписа(т)* 88 зв.); в 3 лице единственного числа имеются формы с конечным *-ть* (*означае(т)* 2, *бывае(т)* 5) и без него (*змоцняе* 61, *указуе* 61); в 1 лице множественного числа употребляются глаголы с *-м* (*о(з)наймуемь* 5 зв., *уволяемь* 15 зв.) и с *-мо* (*не порушимо* 4, *даемо* 108).

Таким образом, в грамотах, выданных Королевской резиденцией Речи Посполитой Киевскому городскому магистрату, имеется много вариативных написаний, отражающих различные фонетические и морфологические процессы. Употребление такого количества параллельных написаний обусловлено несколькими причинами: традицией, обозначением на письме процессов живой речи, взаимодействием староукраинского, церковнославянского и польского языков, сосуществованием старых и новых грамматических форм.

Г. Ульссон (Университет Турку, Финляндия)

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРИСТАВОК В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Русская аспектуальная система традиционно описывается через видовые пары. Видовой парой называют два (или больше, см. ниже) тождественных по значению, но разных по видовой принадлежности глагола: например *решать – решить*, *делать – сделать* или *писать – написать*. Однако в примерно 25 % всех приставочных видовых пар представлено два (или больше) глагола совершенного вида [1, с. 150] с разными приставками, например, *вязнуть – завязнуть / увязнуть* или *злить – обозлить / разозлить*.

Иностранцы, изучающие русский язык, нередко считают именно глагольный вид самой сложной грамматической категорией в русском языке. Более того, выбор аспектуальной (или «чистовидовой») приставки часто кажется иностранным студентам совершенно случайным (*написать*, *сделать*, *построить* и т. д.). Как им определить, какую приставку выбрать? Объяснить выбор приставки может «гипотеза о наложении значений» (англ.: *the overlap hypothesis*), также известная как «эффект Вея-Схоневельда». Согласно этой гипотезе, приставка имеет примерно то же самое значение, что и исходный глагол. Этот феномен объясняется в «Русской грамматике» (§ 1394), на примере видовой пары *пахать – вспахать*: «Так, гл. *вспахать* является парным по виду с гл. *пахать* в силу того, что как префикс *вз-*, так и гл. *пахать* имеют в своем значении семантический элемент ‘направление